

В. А. Сомов, Е. А. Беседина

А. А. Зиновьев о проблемах исторического познания советской эпохи

Не нужен мне тот будущий историк,
Который ни за что ведь не поймет,
Как был он сладок и насколько горек —
Действительный, а не архивный мед.

Ярослав Смеляков

Сомов Владимир Александрович
доктор исторических наук, профессор,
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (Нижний Новгород, Россия)

Беседина Елена Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Современный этап развития общественных наук характеризуется поиском идентификационных маркеров, которые могли бы определить историю как науку, консолидирующую гуманитарные знания¹. Еще А. С. Лаппо-Данилевский (учитывая опыт И. Тэна) обосновал возможность «приложения психологии к истории»². Концепция А. С. Лаппо-Данилевского легла в основу когнитивно-информационной теории, которая признается сегодня одним из перспективных направлений исторического исследования³. В то же время, несмотря на довольно успешные попытки решения проблемы междисциплинарных связей в рамках исторического исследования, трудно пока говорить о качественном переломе в определении предмета и метода истории как науки, свободной от идеологического диктата. Инерционное⁴ влияние «традиционных» (позитивистского, марксистского и их сочетаний) подходов к историческому анализу общественных отношений, несмотря на активное внимание к междисциплинарности⁵, до сих пор не преодолено.

Одним из направлений на этом пути может стать обращение к научному творчеству А. А. Зиновьева (1922–2006)⁶, который, по выражению А. И. Фурсова, «занимает не просто особое, а уникальное место в истории русской мысли XX столетия»⁷. Методология «логической социологии», выработанная А. А. Зиновьевым, применяется культурологами⁸, социологами⁹, философами¹⁰. При этом именно историки реже всего обращаются к использованию его опыта¹¹. Противоречивость отношения к А. А. Зиновьеву со стороны современников не в последнюю очередь связана с уникальными политическими перипетиями его жизненного пути. Неоднозначное отношение к советскому обществу, о котором в основном писал А. А. Зиновьев, к творческой и личной биографии автора делает его замечания по поводу изучения советской истории не такими универсальными для восприятия, как, например, мнения исследователей Античности и Средневековья.

Действительно, споры по поводу сущности советской общественно-политической организации не утихают до сих пор. Оценки носят до крайности резкий характер. Так, А. Н. Медушевский, используя в качестве парадигмы исследования когнитивно-информационную теорию истории¹², пришел к выводам, которые при всем желании трудно признать беспристрастными. Результат исследования советского общества 1920–1930-х гг. выражен им в выводах об «эксплуатации низменных качеств человеческой природы» в процессе конструирования «нового человека»¹³. Феномен советского человека 1920–1930-х гг. А. Н. Медушевский оценивает как «несомненно, психологически ущербный социальный тип, основной мотив поведения которого определялся как стремление к выживанию в биологическом смысле»¹⁴. В качестве эмпирической базы А. Н. Медушевский использует, в частности, работы известной американской исследовательницы Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), оценивающей жизненное кредо советского человека в терминологии, близкой к социал-дарвинизму: «*Homo sovieticus* дергал за нужные ниточки, проворачивал всякие махинации, угодничал, нахлебничал, кричал лозунги и т. д. и т. п. Но прежде всего он боролся за выживание (здесь и далее курсив наш. — В. С., Е. Б.)»¹⁵. В подобном ключе выполнены исследование британского историка О. Фигеса (Файджеса) (*Orlando Figes*) «Шептуны. Частная жизнь сталинской России»¹⁶, написанное на основе опроса 454 человек — «жертв сталинской системы», которым книга «позволила говорить»¹⁷, а также работа американской исследовательницы Д. де Граффенрайд (*Julie de Graffenried*) «Молчание было спасением»¹⁸ и др.

Подобные (безусловно ценные, но далеко не полные) выводы в работах зарубежных ученых могут быть объяснены своеобразным эвристическим парадоксом: они формулируются как результат длительной и скрупулезной работы в архивах. Парадокс заключается в том, что в архивных документах по большей части отражается не социальная норма, а *отклонение* от нее, что и побуждает автора создать документ, фиксирующий это неординарное (как правило — негативное) событие. Не случайно Ш. Фицпатрик предупреждает читателя о том, что в книге рассказывается «о переполненных коммуналках, о брошенных женах и уклоняющихся от уплаты алиментов мужьях, о нехватке продуктов и одежды, о бесконечных очередях. О том, как роптал народ из-за таких условий жизни и как на это реагировало правительство»¹⁹. Представляется, что такая плодотворная

работа историков, «обличающих» советское общество с использованием «конкретных примеров» из обширного архивного материала, не всегда способствует формированию беспристрастной оценки нашей истории.

В контексте вышеизложенного авторам представляется актуальным обращение к опыту интегративного восприятия социальной истории советского периода, выразившемуся в творчестве А. А. Зиновьева — философа, логика, социолога и гражданина.

Проблема источника. Эмпирической основой исторического исследования, а следовательно, и его результатов (оценок, мнений) является источниковая база. А. А. Зиновьев предупреждал об опасности увлечения позитивистскими описательными методами, событийной историей: «Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т. п. — это все кажется на первый взгляд бесспорным и объективным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими “бесспорными” величинами и фактами»²⁰. Соответственно, интеллектуальная деятельность, которая опирается на известное ограниченное количество эмпирических данных, не может претендовать на научность. Здесь философ до крайности категоричен: «То, что называется исторической наукой, в целом таковой не является. Ссылки людей на некоторые факты истории не имеют никакой доказательной силы. Никакой!»²¹

Именно в традиционной для историка системе доказательств с привлечением источника, факта, по мнению А. А. Зиновьева, кроется некий «методологический изъян», который приводит к деформации знания о советской эпохе. Действительно, далеко не все поступки и мотивы поведения людей зафиксированы в источниках. Реконструировать *общее* (консолидированное) представление современников об эпохе чрезвычайно сложно: люди, не оставившие письменных памятников, также по-своему воспринимали свое время, но судить об их восприятии мы не можем: «Реальность лишь частично и к тому же в превращенной форме отражается в словесном потоке своего времени»²². Получается, что большинство исторических исследований (или все?), даже претендующих на исчерпывающий характер, ограничены с точки зрения адекватности эпохе.

В качестве примера А. А. Зиновьев выражал скепсис по поводу возможности полного и точного научного описания сталинского периода — «одного из самых интересных в истории человечества»²³ — именно по причине отсутствия *достаточно* количества источников. Документы частично уничтожались, какие-то фальсифицировались, но главное — подавляющая часть населения вообще *никак не фиксировала* свое отношение к происходящему: «Многое важное делалось вообще без документов. То немногое, что сохранилось, недоступно ученым и писателям. Мемуаров тогда не писали. Боялись. Не надеялись на их будущность. Да и записывать-то было нечего»²⁴.

А мы бы добавили — и некогда! Редкие представители «неинтеллигентных» профессий могли позволить себе вести дневник, чаще было наоборот: в силу банальной физической усталости, малограмотности, да и просто в силу нерасположенности к ведению повседневных записей. Характерно, что и современные социологи обращают внимание на односторонность, тенденциозность представлений о ценностях эпохи, если судить о них по выборочно выстроенной информации. Очень

точно по этому поводу выразился Ж. Т. Тощенко: «Экраны и страницы заполнены сообщениями о конкурсах песни среди заключенных, уголовников, а информации о самодеятельности людей, которые ежедневно, постоянно ведут трудовую жизнь, растят детей, создают материальные и духовные блага и услуги, почти нет»²⁵.

Таким образом, максимальное расширение источниковой базы для действительно беспристрастного изучения советской эпохи крайне желательно, но *практически* очень затруднительно: «Если хотите знать основу сталинизма... проделайте хотя бы самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением хотя бы в один миллион. И изучите его хотя бы по таким показателям. Численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число репрессированных, передвижения людей (куда люди покидали район и откуда появлялись в нем вновь)»²⁶. Тем не менее даже такое исследование, требующее огромных физических и интеллектуальных усилий, не сможет восполнить отсутствие необходимого количества источников как продуктов сознательной интеллектуальной деятельности современников эпохи. Поэтому, как предлагал А. А. Зиновьев, необходимо переходить к изучению социального объекта в целом, к изучению его развития по законам логической социологии.

Проблема понимания (анализа). По мнению А. А. Зиновьева, история как наука еще далека от своего совершенства по причине избыточного стремления к оценочным характеристикам изучаемого социального объекта. «Рассматривать историю в категориях оправдания и осуждения — значит исключать всякую возможность ее понимания»²⁷, — утверждал философ. Другими словами, история станет наукой только тогда, когда перестанет оправдывать прошлое в глазах современников и начнет его понимать: «Оправдание есть явление моральное, понимание — гносеологическое»²⁸.

Главное отличие концепции А. А. Зиновьева — отказ от стремления к объективизации результатов исследования. Проблема объективности — одна из ключевых в данной области. Советский психолог С. Л. Рубинштейн писал по поводу проблемы объективизации знания, полученного в процессе познавательной деятельности: «Основной путь к преодолению субъективизма — не в отрицании, а в правильном понимании субъективного как формы проявления объективного»²⁹. Марксистская советская методология решала эту проблему, используя категорию социально-классовой рефлексии субъекта познания — историка. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, ссылаясь на слова К. Маркса³⁰, утверждали: «Чтобы понять реальное содержание общественных идей и теорий, их надо соотносить не только с объектом познания, но и с реальными интересами, борющихся общественных классов, т. е. ввести “новое измерение” — соотнесенность с социальными (классовыми) интересами»³¹.

Исследователь — человек, и его выводы не могут не зависеть от его сознания, т. е. быть абсолютно объективными. Поэтому А. А. Зиновьев ограничивал степень независимости исследователя понятием «субъективная беспристрастность». Под ним он подразумевал «познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей

или нет»³². Очевидно, что достичь такого уровня отрешенности от результатов исследования можно, только постоянно рефлексировав по поводу своих исследовательских возможностей, о чем, в частности, неоднократно писал А. Я. Гуревич³³.

Что же пытался понять А. А. Зиновьев в истории советского общества как социальной организации особого типа? Ставя во главу угла «психологизм» антропологических характеристик общественного развития, он считал главным предметом изучения внутреннюю мотивацию человеческих поступков. «Меня не интересуют законы истории, историческая целесообразность и прочие объективные, не зависящие от воли людей явления. Меня интересуют мотивы поступков людей и их отношение к своим поступкам»³⁴, — отмечал философ. Реконструировать систему поведенческой мотивации — это значит, по сути, проникнуть в феноменальную, непознаваемую сферу: «Интересное это явление — историческое творчество масс людей. Проходят годы, и ученые начинают ломать голову над какими-то историческими явлениями, пытаюсь разгадать их тайну. А для участников этих явлений никаких тайн нет. Все происходит на их глазах»³⁵.

Словно на картине Питера Брейгеля Старшего (*Pieter Bruegel de Oude*) «Падение Икара»: никто из современников и не заметил, что Икар упал, — на картине видна лишь его нога в реке. Только по прошествии времени это событие получило такую известность. Другими словами, попытка понять, осмыслить историческое событие с точки зрения современных ценностных ориентаций или политических предпочтений — путь к пусть и не намеренному, но неизбежному искажению истории³⁶. В полной мере это замечание относится к истории советского общества, которая не перестает быть объектом «культурно-исторических сражений». Выход, предлагаемый А. А. Зиновьевым, лежит в плоскости применения к истории методов логической социологии, не имеющей в своем исследовательском арсенале эмоционально субъективных оценочных компонентов.

Проблема синтеза (полидисциплинарности). А. А. Зиновьев предлагал принять во внимание существование определенных социальных законов, по которым развивается жизнь конкретного индивида и общества в целом³⁷. Действие этих законов («законы коммунального поведения» в терминологии А. А. Зиновьева) остается в целом неизменным в любое время в любом обществе: «Вот вам одна из особенностей исторического творчества: необходимость. Необходимость в смысле насущной потребности и возможности реализовать ее таким путем. История подобна реке: она течет туда, куда можно течь. Она течет в “социальные” дыры. Она течет в силу законов тяготения»³⁸. Исходя из универсальности социальных законов, А. А. Зиновьев говорил о необходимости сконцентрировать внимание исследования на социальных объектах, как наиболее поддающихся научному анализу, поскольку «измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются»³⁹.

Социальные объекты также существуют в конечном временном интервале, но логическая социология позволяет судить о них как о реально существующих. А. А. Зиновьев предлагал изучать историю от обратного: «Не изучение конкретной истории дает ключ к пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования»⁴⁰.

Безусловно, дедуктивный подход чреват потерей «тайны индивидуальной жизни», о чем, например, писал И. А. Ильин в работе «Академическое несчастье молодых поколений»⁴¹. А. А. Зиновьев видел решение этой проблемы в разграничении масштабов социально-исторического знания: «Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим — два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка — выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то время. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени»⁴².

Таким образом, А. А. Зиновьев предлагал синтезировать историческое знание взаимным дополнением полученных результатов на микро- и макроуровнях: «Существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появилось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла»⁴³. Продуктивное сочетание «локального» и «глобального» подходов исторического исследования возможно, по мнению А. А. Зиновьева, только в процессе применения его теории: «Все важнейшие тайны бытия доступны для понимания, если к ним подходить с позиции, построенной по правилам моей логической и социологической теории»⁴⁴.

В работе «Логическая социология» А. А. Зиновьев предлагает сконцентрироваться не на «законах бытия», а на познавательных законах, на принципах познавательной деятельности. По мнению философа, ложный посыл исследования общества связан с неверной расстановкой методологических приоритетов: «Законы логической социологии не являются отражением законов бытия. Они вообще ничего не отражают. Они суть законы самой деятельности людей по отражению (познанию) законов бытия»⁴⁵.

Основными методами логической социологии А. А. Зиновьев называл методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. Метод определения понятий тесно связан с лингвистическим подходом. Его использование диктует исследователю необходимость действия «не по принципу “Посмотрим, что творится в сфере социальных объектов”, а по принципу “Я выделяю для исследования то-то и за эти рамки не выхожу”»⁴⁶.

Метод мысленного эксперимента «заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают ученые в опытных науках в своих лабораториях»⁴⁷. При этом особенность социальных исследований «состоит в том, что они осуществляются как *допущения* относительно мыслимых объектов и логические рассуждения»⁴⁸. В качестве примера такого рода допущений А. А. Зиновьев приводил гипотезу о действии закона экзистенциального эгоизма, «согласно которому человек как социальный атом не действует во вред себе»⁴⁹.

Третья категория методов по А. А. Зиновьеву — «социальная комбинаторика». На основе эмпирических фактов исследователь выявляет «все логически мыслимые “чистые” абстрактные варианты тех или иных социальных объектов»⁵⁰. Таким образом определяется гипотетическая модель возможных априорных вариантов

поведения социальных объектов во времени и пространстве. «Установив эти варианты, — писал А. А. Зиновьев, — мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих социальных объектов *только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций*»⁵¹. Только использование методов логической социологии создает, по мнению философа, методологическую основу для научного подхода к изучению социальных объектов⁵².

Несмотря на всю научную привлекательность, концепция логической социологии, очевидно, не может претендовать на универсальность, хотя бы в силу непреходящего значения категорий «единичного» и «особенного» в истории социальных объектов. Категорий, предусматривающих почти исключительно описательный метод изучения явлений, определяемых этими категориями. Трудно, например, объяснить с точки зрения того же закона экзистенциального эгоизма факты проявления самоотверженности и героизма, во множестве присутствующие в истории разных народов и стран. В то же время не может вызывать сомнения практическая значимость логической социологии, особенно по отношению к советской истории, до сего дня, как было показано выше, избыточно политизированной и далекой от научного понимания. Представляется, что концепция А. А. Зиновьева заслуживает большего внимания со стороны исследователей советского общества, поскольку ее применение может внести определенные коррективы в понимание этой уникальной эпохи. В противовес утверждению «Все империи гибнут. СССР был империей и его гибель закономерна» А. А. Зиновьев считал, что последние годы существования советского общества были отнюдь не свидетельством его естественного старения. «Это грубая ошибка, или, скорее, грубая фальсификация истории, — писал он — Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни»⁵³. Дискуссионность и небесспорность этого утверждения должна стать дополнительным стимулом к применению методов логической социологии, к их проверке в процессе практического применения, что, несомненно, поспособствует подлинно научному осмыслению советской эпохи как феномена человеческой истории.

¹ И. Ю. Николаева отмечает: «Резкая теоретическая ломка устоявшихся представлений, связанных с марксистской методологией, наложила существенный отпечаток на характер заимствования как инодисциплинарного знания, так и концепций и методов, родившихся в лоне западной исторической науки. Механистичность такого заимствования, использование порой взаимоисключающих подходов, оборачивающихся теоретическим хаосом и методологической беспринципностью... являются видимыми проявлениями тех негативных тенденций, которые составляют одну из компонент текущего кризиса не только в отечественной исторической науке» (Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 13).

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 90, 253, 255, 291, 318 и др.

³ Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 3. С. 3–22. — См. также: Рябова Л. К., Рябов А. А. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории // Новейшая история России. 2014. № 1(9). С. 8–16.

⁴ Как отмечает Ж.Т.Тощенко, «сознание людей не может перестроиться, подобно токарному станку, сразу же, немедленно, вслед за происходящими событиями. Человечество не способно убежать от самого себя, от опыта, накопленного ранее, от того, что оно знало прежде, что исследовало, на что ориентировалось, чего хотело достичь и чего хотело избежать» (*Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд. М., 2008. С. 57*).

⁵ «В плане методологии требование междисциплинарности или, лучше сказать, полидисциплинарности никогда не звучало столь повелительно, как в наше время, причем именно в связи с постановкой проблем исторической антропологии. Нет такого аспекта жизни человека, от трудовой деятельности и отношений собственности и до аффективной и художественной жизни, от биологических и экологических основ до религиозных озарений и “пограничных” состояний психики, который не входил бы в сферу компетенции исторической антропологии» (*Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 69*). См. также: *Могильницкий Б.Г. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. М., 2005*.

⁶ См. о нем: Зиновьев Александр Александрович. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/283> (дата обращения: 14.06.2017).

⁷ *Фурсов А. Памяти А.А.Зиновьева. URL: http://www.apn.ru/opinions/article9691.htm* (дата обращения: 06.04.2016).

⁸ *Никитина И.В. Характер современной науки о культуре и проблема метода // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 202–206*.

⁹ *Давыдова Л.В. Социология А.А.Зиновьева — путь к пониманию современности. М., 2006; Фельдман В.Р., Абаев Н.В. Идеология в социально-политической динамике // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 109–113; Хлыстов С.Ю. Концепция сверхобщества А.А.Зиновьева сквозь призму макросистемного подхода: попытка теоретического синтеза // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 4. С. 38–42*.

¹⁰ *Катышевцева Е.В. Проблема власти в социальной философии А.Зиновьева // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 194–218*.

¹¹ См., напр.: *Дерюшев В.В. А.А.Зиновьев о советской цивилизации // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5 (24). С. 211–213*.

¹² *Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория... С. 3–22*.

¹³ *Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 6*.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. М., 2001. С. 272*.

¹⁶ *Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. New York, 2008. 739 p.*

¹⁷ *Figes O. The interview. URL: http://www.orlandofiges.co.uk/TheWhisperers.php* (дата обращения: 14.06.2017).

¹⁸ *Graffenried J. Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union, written by Cathy A. Frierson // The Soviet and Post-Soviet Review. 2015. Vol. 42, Iss. 3. P. 367–369*.

¹⁹ *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 8*.

²⁰ *Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 167*.

²¹ Там же. С. 479.

²² *Зиновьев А.А. Сталин — нашей юности полет: социологическая повесть. М., 2002. С. 13*.

²³ Там же. С. 123.

²⁴ Там же.

²⁵ *Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. С. 152*.

²⁶ *Зиновьев А.А. Сталин — нашей юности полет... С. 28*.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же.

²⁹ *Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 64*.

³⁰ «Нужно постоянно иметь в виду, что, как в действительности, так и в голове субъект... есть нечто данное» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 43).

³¹ *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история (проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 35.

³² *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 172.

³³ *Гуревич А. Я.* Историк у верстака. Интервью. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/istorik-u-verstaka> (дата обращения: 14.06.2017).

³⁴ *Зиновьев А. А.* Сталин — нашей юности полет... С. 177.

³⁵ Там же. С. 34.

³⁶ «Но помни, — говорит Сталинист, — все то, что теперь говорят критики о нашем времени, есть отношение к нему с позиции сегодняшней, а не прошлой жизни» (Там же. С. 165).

³⁷ Б. Г. Могильницкий приводит аналогичное утверждение Ф. Гизо: «В истории человечества есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, миллионы событий мне не известны, но ни одно меня не удивляет» (*Могильницкий Б. Г.* «Антропологический поворот» в свете антитезы макро- и микро исторических подходов // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 10).

³⁸ *Зиновьев А. А.* Сталин — нашей юности полет... С. 35–36.

³⁹ *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 174.

⁴⁰ Там же. С. 175.

⁴¹ «Настоящая наука начинается с индукции, т. е. с непредвзятого свободного наблюдения явлений, природы и людей... Настоящая наука углубляется интуицией, т. е. живым созерцанием, которое, во-первых, вчувствуется в глубину единичного явления, и, во-вторых, пытается верно вообразить и восстановить целое, распавшееся во время исследования на детали... Без интуиции индукция начинает смотреть поверху и упускает главное — тайну индивидуальной жизни» (*Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 51).

⁴² *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 181–182.

⁴³ Там же. С. 471.

⁴⁴ Там же. С. 481.

⁴⁵ *Зиновьев А. А.* Логическая социология. М., 2002. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 10–11.

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 12.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 211.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сомов В. А., Беседина Е. А. А. А. Зиновьев о проблемах исторического познания советской эпохи // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 507–517. УДК 930.2

Аннотация: Ныне одним из актуальных вопросов общественнознания является поиск и выбор идентификационных маркеров для определения истории как науки, консолидирующей гуманитарные знания. Перспективным направлением исследований в этом смысле может стать обращение к научному наследию выдающегося отечественного философа А. А. Зиновьева (1922–2006), его методологии логической социологии, которая сегодня еще недостаточно активно используется историками. Важность методологии А. А. Зиновьева, по мнению авторов статьи, становится еще более понятной, если сравнить ее с методологией некоторых современных отечественных и зарубежных исследователей. В статье делается попытка показать три проблемы в изучении социальной истории советского периода,

поставленные философом: проблему источника, проблему понимания (анализа), проблему синтеза (полидисциплинарности); рассматриваются выработанные им принципы, подходы и конкретные методы изучения советского общества. А. А. Зиновьев предлагал принять во внимание законы коммунального поведения, по которым развивается жизнь конкретного индивида и общества в целом. Исходя из универсальности этих законов, он говорил о необходимости исследовать прежде всего социальные объекты как наиболее поддающиеся научному анализу и при этом использовать принцип синтеза исторического знания путем взаимного дополнения полученных результатов на микро- и макроуровнях. В статье дается характеристика основных методов логической социологии, к которым ученый относил методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. Только использование этих методов создает, по его мнению, методологическую основу для научного подхода и изучения социальных объектов. Авторы делают вывод о том, что, несмотря на всю свою научную привлекательность, концепция логической социологии, очевидно, не может претендовать на универсальность, однако несомненна ее практическая значимость, особенно по отношению к истории советского периода, остающейся весьма политизированной, а зачастую и далекой от научного понимания.

Ключевые слова: история, советское общество, А. А. Зиновьев, логическая социология.

Сведения об авторах: **Сомов В. А.** — доктор исторических наук, профессор, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (Нижний Новгород, Россия); somoff33@yandex.ru | **Беседина Е. А.** — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); e.besedina@spbu.ru

FOR CITATION

Somov V. A., Besedina E. A. 'A. A. Zinoviev on the Problems of Historical Comprehension of the Soviet Era', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 507–517.

Abstract: One of the most urgent issues of social science nowadays is searching and selecting identification markers for the definition of history as a science that consolidates humanitarian knowledge. One of the most promising directions in this regard is probably an appeal to the scientific heritage of an outstanding Russian philosopher A. A. Zinoviev (1922–2006) including his methodology of logical sociology, which is not actively used by historians. The importance of A. A. Zinoviev's methodology, in the authors' opinion, becomes even clearer if we compare it with the methodologies of some modern national and foreign researchers. The article attempts to show three areas in the study of social history of the Soviet period raised by the philosopher: the source problem, the problem of understanding (analysis), and the problem of synthesis (multidisciplinarity), as well as to discuss the principles, approaches, and concrete methods of the studies in Soviet society. A. A. Zinoviev suggested taking into consideration the laws of communal behavior that govern life of a particular individual and society as a whole. On the assumption of the universality of these laws he spoke about the need to explore social objects as the most amenable to scientific analysis and at the same time to use the principle of synthesis of historical knowledge by the way of supplementing of the results obtained at micro and macro levels. The article describes the main methods of logical sociology, which include, according to the scientist, the methods of defining the concepts, mental experiment and combinatorics. In his opinion, only the use of these methods creates a methodological basis for the scientific approach and for the study of social objects. The authors came to the conclusion that despite its scientific attractiveness the concept of logical sociology can not claim universality. However, its practical importance is undoubtedly significant, especially with respect to the history of the Soviet period, which remains very politicized and often beyond the scientific comprehension.

Keywords: history, Soviet society, A. A. Zinoviev, logical sociology.

Authors: **Somov V. A.** — Doctor of History, Professor, Privolzhsky Branch of the Russian State University of Justice (Nizhny Novgorod, Russia); somoff33@yandex.ru | **Besedina E. A.** — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e.besedina@spbu.ru

References:

Davydova L. V. *Sociologiya A. A. Zinovieva — put k ponimaniyu sovremennosti* (Moscow, 2006).

- Derjushhev V. V. 'A. A. Zinov'ev o sovetskoj civilizacii', *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, no. 5 (24), 2010.
- Feldman V. R., Abaev N. V. 'Ideologiya v socialno-politicheskoj dinamike', *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, 2013.
- Figes O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia* (New York, 2008).
- Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* (Moscow, 2001).
- Graffenried J. 'Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union, written by Cathy A. Frierson', *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 42, iss. 3, 2015.
- Gurevich A. Ya. 'Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya', *Voprosy filosofii*, no. 1, 1988.
- Khlystov S. Yu. 'Konceptiya sverhobshchestva A. A. Zinovieva skvoz prizmu makrosistemnogo podkhoda: popytka teoreticheskogo sinteza', *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, 2008.
- Ilyin I. A. *Nashi zadachi. Istoricheskaya sudba i budushchee Rossii. Statji 1948–1954 godov*, 2 vols. (Moscow, 1992).
- Katyshevtseva E. V. 'Problema vlasti v social'noj filosofii A. Zinovieva', *Nauchnyj ezhegodnik instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, no. 5, 2004.
- Kelle V. Zh., Kovalzon M. Ya. *Teoriya i istoriya: (Problemy teorii istoricheskogo processa)* (Moscow, 1981).
- Lappo-Danilevskij A. S. *Metodologiya istorii* (Moscow, 2006).
- Medushevskij A. N. 'Kognitivno-informacionnaya teoriya v sovremennom gumanitarnom poznanii', *Rossijskaja istoriya*, no. 3, 2009.
- Medushevskij A. N. 'Stalinizm kak model' social'nogo konstruirovaniya. K zaversheniju nauchno-izdatel'skogo proekta', *Rossijskaja istorija*, no. 6, 2010.
- Mogilnickij B. G. *Metodologicheskij sintez: proshloe, nastoyashchee, vozmozhnye perspektivy* (Moscow, 2006).
- Mogilnickij B. G. "Antropologicheskij povorot" v svete antitezy makro- i mikro istoricheskikh podhodov', *Dialog so vremenem*, no. 28, 2009.
- Nikitina I. V. 'Harakter sovremennoj nauki o kul'ture i problema metoda', *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, no. 3, 2010.
- Nikolaeva I. Yu. *Polidisciplinarnyj sintez i verifikaciya v istorii* (Tomsk, 2010).
- Rubinstein S. L. *Bytie i soznanie. O meste psicheskogo vo vseobshchej vzaimosvyazi yavlenij materialnogo mira* (Moscow, 1957).
- Ryabova L. K., Ryabov A. A. 'Metodologiya istorii A. S. Lappo-Danilevskogo i sovremennaya zapadnaya teoriya istorii', *Modern History of Russia*, no. 1, 2014.
- Toshchenko Zh. T. *Paradoksalnyj chelovek* (Moscow, 2008).
- Zinoviev A. A. *Logicheskaya sociologiya* (Moscow, 2002).
- Zinoviev A. A. *Stalin — nashej yunosti poet: sociologicheskaya povest'* (Moscow, 2002).
- Zinoviev A. A. *Faktor ponimaniya* (Moscow, 2006).